

Всего лишь восемь? Еще утро? Ну и что?!
Он имел на это полное заслуженное право.

Прохладой зала ожидания первого класса, кроме него, воспользовались к этому времени только два местных пассажира, значительные и опытные люди не спешили посидеть в больших кожаных креслах, такие приезжали прямо к посадке в самолет.

А вот и зря.

Все ведь продумано, все выверено, все имеет свою цену.

И то, что накопленные за последние два года постоянных полетов бонусные мили позволяли ему полноправно занимать места и в бизнес-классе, и в таком дорогом зале ожидания. Все это было так же приятно, как и рюмка хорошего коньяка перед полетом.

Напиток был привычно хорош, да и сегодняшняя учтивая девочка-официантка имела изумительно нежный, свежий цвет лица.

Вперед!

Антон Букин летел в столицу за назначением.

Газета, короткий сон, обязательно завтрак.

Он проснулся от пронзительного солнца в иллюминаторе.

Улыбнулся. Классно!

По привычке, радуясь чистому небу, стал беззаботно рассматривать землю.

Самолет уже подлетал к Москве. С высоты весенние дачные поселки сверкали под отраженными солнечными лучами тысячами стеклышек окон и теплиц и были похожи на куски старинных блестящих кольчужек, разбросанных в нежно-зеленых, дымчатых перелесках и полях. Дома и прочие строения различались еще с трудом, а вот теплицы — сверкали...

Потом стюардесса попросила пристегнуть ремни, затем самолет привычно приземлился, кто-то остался ждать багаж, а Антон налегке вышел из здания аэропорта на площадь.

Таксисты негромко предлагали свои услуги, но он умел экономить, гордился таким умением, поэтому безо всяких комплексов дождался маршрутки.

Конечно, расходы на транспорт, даже на такси, закладывались в смету его постоянных столичных командировок, но Антон давно уже договорился с бухгалтерией о дорожных тратах, поэтому приятно было сидеть у приоткрытого окна чистенькой маршрутки и точно знать, какую же сумму он только что для себя сэкономил.

Вот и девушка в розовом платье ему так мило улыбнулась.

И это правильно, ведь он молод, здоров! И цель в жизни у него тоже есть.

В этот раз Антон Букин прилетел в Москву из своего маленького города не просто так, не по текущим, зачастую нудным, делам фирмы, а на утверждение на должность директора региональной торговой сети детских развивающих конструкторов.

И это наконец состоится. Обязательно.

Он случайно заметил свое отражение в водительском зеркале.

Да, действительно, еще молод, при этом достаточно симпатичен.

По-умному, желая соответствовать своему будущему статусу, Антон еще с зимы начал отращивать себе современную бородку и вставил серьгу в ухо, но любимая бабушка, как-то увидав его на чьих-то родственных именинах, громко заметила при всех, нисколько не желая обидеть, что ее внучок выглядит паскудно.

Пришлось тогда бороду сбрить, а серьгу положить в коробочку, спрятав ее в нижний ящик офисного стола.

Ну что ж, и так — вполне респектабелен и представителен.

Имеется солидное выражение пока еще незагорелого розовощекого лица. Особенно хорош левый профиль.

Антон искренне считал себя славным парнем, по крайней мере, ему об этом часто говорили знакомые.

Назначение прошло быстро, закончилось крепким рукопожатием генерального директора и короткими, деловыми напутствиями столичных коллег, старших товарищей.

В баре на первом этаже бизнес-центра он, искренне желая соответствовать, угостил ребят коньяком. Сам тоже, изо всех сил стараясь сохранять значительную невозмутимость, выпил самую малость.

И уже на улице Антон от души расхохотался, запрыгал по городскому асфальту, потом спохватился, что его, такого легкомысленного, могут увидеть из окон центрального офиса, неторопливо завернул за угол, к остановке такси, и там снова радостно замахал руками.

Сбылось!

Настроение и самочувствие прекрасное, в голове легкая дымка от свершившегося — он этого добился! Он, Антон Букин, теперь, с сегодняшнего дня — директор!

Самостоятельный. Значительный.

Но на такси он все-таки садиться не стал, прошел по солнечной улице одну остановку к знакомой станции метро.

До вечернего рейса времени было еще достаточно, спешить было незачем, да и немного сэкономить денег в очередной раз тоже было приятно.

Без вещей, с легкой кожаной папкой для бумаг, одетый вполне по сезону, даже лучше обычных пассажиров метро, Антон устроился у свободной торцевой стенки вагона и принялся разглядывать пассажиров.

«... Этот мужик наверняка моряк, стоит уж очень уверенно, вразвалку. Справа, тот что пониже, постарше, в синей куртке, вполне возможно, что в прошлом был боксером, ноги косолапые, как в стойке... А вот тот, длинный, черноволосый, в расстегнутом кожаном пиджаке, ни разу не поднял правую руку, держится левой, хоть и видно, что так ему совсем неудобно. Почему? Пистолет какой-нибудь криминальный под пиджаком?! Чушь!»

Антон улыбнулся. Да, выдумывать-то он такие вещи может. Силен. С детства еще, со школы.

Цветное объявление около дверей. Кто-то требуется. А-а, слесари-электрики.

И опять захотелось с кем-нибудь посмеяться. Неужели не замечают?! Поначалу-то он и сам не понял смысл призывных, крупных букв, показалось, что «слесари-эпилептики». Это хорошо, что ошибся.

Вдруг Антон почувствовал взгляд из середины вагона. Пристальный, но какой-то уж скользкий, неконкретный взгляд. Незнакомец настойчиво смотрел в его сторону.

Вагон погрохатывал на стыках, из угла доносился громкий разговор, молодой хохот.

Антон слегка, совсем чуть-чуть, смутился, встревожился.

Причин для серьезного беспокойства, конечно, не было, да и не могло быть, но как-то вдруг стало неприятно... Он отвернулся, встал боком, зевнул, затем внимательно посмотрел вдоль вагона.

«Вот ведь устался, гад...» На случайную мелкую глупость не хотелось реагировать в таком-то хорошем настроении.

Антон снова зевнул, деликатно отворачиваясь, и тут же понял, что неприятный парень пристально смотрел совсем не на него, а мимо, через дрожащие стекла в другой вагон. На девушку с наушниками.

«Тьфу ты, ч-черт... Расслабься!».

На следующей станции вошли новые люди.

Седой старичок внимательно вычислил свободное место, сел, уютно устроившись под высоко поднятыми руками Антона.

На колени он положил пластиковую бутылку, разрезанную пополам и аккуратно состыкованную. Из прозрачной емкости на пассажиров презрительно смотрел взъерошенный синий попугайчик, чрезвычайно похожий на своего пушистого пожилого хозяина.

Подумалось: «Вот ведь, умельцы!» Антон успокоился, стало совсем хорошо.

До конечной станции метро, где он обычно выходил и пересаживался на маршрутку до аэропорта, оставалось ехать минут пятнадцать.

В очередной раз поезд остановился, зашипели двери, из вагона вышли одни пассажиры, вошли новые, их оказалось гораздо больше.

Вплотную к Антону толпа притиснула маленькую тихую девушку в хиджабе.

Сначала она вынужденно коснулась его худеньким плечом, потом толпа развернула ее лицом к нему.

«И грудь ничего... Это, наверно, такой приятный восточный бонус за все мои правильные дела!»

Антон мысленно захохотал, боясь нечаянно фыркнуть. Девушка не отодвигалась от него и почему-то не шевелилась.

«А глаза-то у девчушки шикарные! Только вот странные, неподвижные... И лицо милое, нежное, вроде у них в сказках такую кожу с персиком сравнивают».

В обычной жизни Антон часто примечал мелкие бытовые несоразности, такие как накипь, которая остается на раскаленных стальных предметах, если на них часто лить воду...

«Точно, сухая, мертвая накипь» — вот что напомнили Антону глаза маленькой девушки.

«Видно, она недавно сильно плакала...»

И тут на стыках их вагон коротко толкнуло, люди качнулись, а к Антону, который прочно и уверенно держался за поручень, еще теснее прижалось худенькое девичье тело.

«Стоп, стоп... Хорошая грудь — это, конечно, приятно, но что же у нашей малышки расположено чуть ниже, на поясе? Такое твердое, неправильное и не совсем доступное моему разуму? Что?!..»

И она почувствовала, что он все понял.

Снизу вверх, с мольбой, с молчаливым криком на Антона Букина смотрела живая смерть.

Пронеслись какие-то мгновения, щелкнули в близком пространстве совершенно ненужные сейчас секунды.

«Что же... а как...» Все было таким неожиданным и ненужным. Девушка тоже что-то пыталась Антону сказать. Глаза в глаза.

Шептать не могла, кричать, очевидно, тоже.

«Помоги», — молил взгляд. И плакать девушка уже не могла, и бояться тоже. А верить — хотела.

«Помоги...»

«А как?... Что я могу-то?.. Я же не знаю...»

«Помоги...»

«А-а-а! Сволочи, козлы проклятые! Хотите и меня, и ее... Кто вы такие, чтобы с нами так?! Я там пашу каждый день, понимаешь, дела делаю, она — маленькая, а вы... Уроды!»

Счастливое детство и хороший отец всегда сделают из мальчишки надежного и умелого мужчину. Еще до того, как стать директором, Антон Букин уже мог брать на себя ответственность и принимать непростые решения.

«Она этого не хочет! Точно. Ее заставили, но она не хочет ничего такого делать! Значит, мне нужно не дать ей сейчас ошибиться! Это — главное!»

Как обнимать девушек Антон тоже знал. И частенько делал это с удовольствием. Крепко опираясь о стенку вагона, он тесно, обеими руками обнял маленькую попутчицу. Да с такой уверенностью и страстью, что она и пошевелиться не смогла. Это Антон так специально для нее придумал.

«Классно! Не дернется, ничего там не нажмет... Теперь, парень, начинай быстро трепаться, успокаивать даму. И думай... Рядом с ней может какой-нибудь уродец пасть, тоже кнопку захочет нажать. На мобильнике, например...»

Старичок и попугай неодобрительно смотрели на такие по-мужски вольные в присутствии публики действия сильного молодого парня.

«Понимаю, понимаю... Потом, при случае, если останусь жив, обязательно перед вами покаюсь. А попугаю семечек куплю... Сейчас не это главное, ребята».

Вплотную, губами приник к маленькому уху под тканью.

— Тихо, тихо, маленькая! Я помогу. Обязательно. Ничего только не вздумай делать, не говори, только слушай меня. Даже буду болтать ерунду — ты обязательно слушай!

Мгновенно напряженная девушка обмякла в руках Антона.

— Ты хорошая... Можно я тебя поцелую, а? Вот так. Тебя ведь заставили не просто кого-то постороннего убивать, ведь ты меня сейчас убьешь, себя... Ты же не хочешь нас обоих на куски разорвать?! Нет, не хочешь... И правильно, и не надо. Ты ведь очень хорошая, добрая, просто так получилось, я тебя понимаю... Не бойся. Я помогу. Я сильный, я ведь в спортзал хожу, еще мы с батей на даче вместе вкалываем, баньку весной сами построили, и рыбалка на прудах в поселке шикарная... А знаешь, какие огурцы у него там растут?! Ого! Все соседи завидуют! И вкусные! Ты только не вздумай заплакать сейчас... Делай вид, что слушаешь, что это я к тебе так пристаю...

Вагон все мчался и мчался, за окном в темноте летели назад фонари.

Где-то тикали смешные часы...

«А может, не стоит мне и дергаться? Кто она для меня такая? Может, просто обкурена или еще что... Все они такие. Тогда хоть говори с ней, хоть не говори, все дела одним кончатся... Главное же — не спугнуть девчонку, самому выскочить

внезапно на станции. Не предупреждать ее, пусть она сама тут справляется... Быстренько доложить ситуацию дежурному или полицейскому и свалить в город, пока не зафиксировали... Ладно! Заткнись, придурок!»

Антон все целовал и целовал голову девушки, ощущая губами гладкую, скользящую, сладко пахнущую ткань ее платка, старался говорить тихо, спокойно, убедительно.

— Вот, вот так, хорошая! Ты же у меня молодец! Что тебе все эти, рядом... Кто они для нас? А я вот такой... ты же меня знаешь, мы с тобой жить хотим, и ты хочешь... Знаешь, а у меня бабушка есть! Она старенькая, такая забавная! А у тебя старички в семье есть?..

Пошевелилась. Видно, что сильно сжал, почти до боли.

Из-под воротника халата Антон почувствовал запах нежного девчончьего тела. Он знал — так пахнут летние простыни после всего такого...

«Интересно, а шальвары они носят?»

Да и какой сейчас хмель?! Думалось легко и уверенно.

«Если я все правильно не сделаю, то... И вот этого, ушастенького, напротив, разорвет, и теток, что с ним, тоже... Все они в грязи и в крови будут здесь, на полу, валяться. Дым будет... Везде дым. Люди орать будут, сирены разные загудят. А мальчишке-то этому года два всего, три, от силы... Почти как племяннице... Лежать он будет, с закрытыми глазами. Так-то вот...»

Станция. Еще будут четыре.

Поверх голов Антон, не шевелясь, рассматривал других пассажиров.

«С девчонкой вроде как в порядке... Кто тут еще может быть с ней? Этот? Не... Тот? Вряд ли... Ну, уж нет, пацаны!.. Так просто у вас со мной не получится... это вы там, у себя, в аулах, в горах своих что-то напридумывали, а мне здесь из-за вас соплями кровавыми утираться, как клоуну какому-нибудь себя чувствовать... Не получится, пацаны! Мне еще на налима на Рыбинское водохранилище зимой ехать, уже договорился с москвичами, обещал им, так что... давайте-ка вот так сделаем...»

Антон Букин понимал, что все счастливое и правильное, что он вчера и сегодня напланировал в своей будущей жизни, сейчас зависит от этой девчонки, с пухлыми детскими щеками, что притихла в его руках.

— Ты не уснула, а? Чего-то совсем тебя не слышно?

Слезы. Беззвучные, бурные, безудержные. Девчончьи.

Прямо в грудь ему, Антону. Только для него, так, чтобы никто больше не заметил их, не услышал.

— Не спишь — это хорошо... Тогда действуем, сестренка. Держись за меня, крепче! Не отставай!

Станция. Светло. Картины за стеклом вагона, помпезные скульптуры в вестибюле.

Выждав секунды, пока выйдут некоторые пассажиры и двинутся с перрона в двери другие, спешащие занять места, Антон дернул девчонку за собой к выходу.

Заорала с возмущением толстая встречная тетка, но Антон без слов оскалился, двинул плечом в сторону и громадную тетку, и двух случайных мужиков, выскочил, сжимая свою спутницу в охапку, на перрон.

— Бежим!

На другой стороне отправлялся встречный поезд.

Всего двадцать каких-то шальных шагов пробежать...

Отлетел, матерясь, от Антона парень в татуировках, а девчонка совсем не могла идти.

— Давай, давай, маленькая! Донесу!

В полупустой вагон они ввалились, едва не упав на пол.

— Молодец!

Она не смотрела ни на кого, уткнувшись в мокрую рубашку Антона.

— Где у тебя эта штука расстегивается?! Быстро, говори! А платье как?.. Где, где расстегивать-то, ну?!

Семейная пара пожилых, степенных садоводов, с лейками и цветными паке-тами, осуждая, уставились на Антона, лихорадочно шарящего рукой по глухому халату девчонки.

— Это, что ли?

Какая-то пряжка, твердые ремни.

Кивнула, соглашаясь.

— У-ух, радость ты моя!

Остановка. Наверх, по эскалатору, не заботясь уже, как переступает по ступенькам девчонка.

Улица. Воздух.

Вздыхнул глубоко.

— Давай, сюда! Направо, за мной! Вот сюда, быстро... Быстро! За угол.

И уже у глухой стены, за палатками, воняющими жареным мясом, на заплыванном в точках жвачки асфальте повалил девчонку.

Не понимая даже, кто сейчас рядом, кто вокруг него, кто это орет, призывая срочно полицию, расстегнул, почти разорвал, ломая ногти, халат на девчонке, жадно рассмотрел устройство, не обращая никакого внимания на нежность бедра, дернул ремень.

Сорвал теплый, раскаленный встревоженным потным телом серый матерчатый узкий тяжелый мешок, швырнул его в близкую урну.

— Бежим!

Вдоль той же серой, пыльной стены здания, раскидывая ногами грязный бумажный мусор, за жестяной забор.

Там остановился, обнял.

Дрожа руками поправил на ней халат.

— Ну, сестренка, и наделали же мы с тобой сегодня делов...

Расхохотался, поднимая лицо к солнцу, стирая кулаком пот со лба.

— Все. Мы молодцы.

А эта, в халате, все молчала и молчала, опустив голову, плотно закрыв личико крохотными смуглыми ладошками.

— Ладно, ладно... Все путем. На вот...

Антон вытащил из кармана бумажник.

Все еще по инерции торопясь, пытался разглядеть свои деньги, как-то определить, сколько же их у него там, в заветном отделении, хотя примерно знал, поэтому плюнул на пересчет, выхватил все.

Оторвал одну ладошку от лица.

Сунул все деньги, сомкнул ее пальчики в кулак.

— Вот, держи, уезжай... На первое время хватит, спрячься где-нибудь у своих...

Ищи каких-нибудь хороших земляков, не этих... Есть же у тебя в Москве дядюшки, тети на рынках, или где там еще... Уверен, помогут! На вот еще, мелочь, пригодится, на транспорт.

Не отпуская, уже по привычке крепко обняв, Антон целовал и целовал ее, не пытаясь остановиться, и щеки, и слезы, такую покорную, мягкую.

Все-таки оттолкнул.

— Все. Иди. Удачи тебе, сестренка!

Минута — отдышаться.

У входа в метро Антон, предварительно пригладив свои лохматые, совсем не по статусу, волосы, вежливо, но изображая деловую спешку, обратился к ровеснику в форме.

— Товарищ полицейский, мне кажется, что вот там, за углом здания, в урне, находится какой-то подозрительный пакет. Может...

— А что вы, гражданин, там делали, за углом-то?

Сержант скучал на посту, но улыбался.

Антон тоже понимающе прищурился.

— Ну, вроде как шнурики завязывал... Извините, мне совершенно некогда, я спешу, опаздываю на важную международную конференцию! Так вы посмотрите там, в урне-то?..

— Не переживай, земля. Обязательно посмотрю, служба такая.

Антон Букин, взволнованный и потрясенный, выдержал только два квартала быстрой, бесцельной ходьбы.

Уткнулся в блестящий стеклом вход в заведение. Тугая дверь, сумрак после солнечной улицы. Ковер под ногами. Тишина.

Заняты только два столика у окна. Стойка бара. Молодой парнишка, симпатичный, с вежливым взглядом и приятным голосом, продолжая протирать фужеры, учтиво поинтересовался:

— Добрый день! Что желаете?

Антон выдохнул.

— Выпить. Срочно!

Паренек понимающе кивнул.

— Коньячку-с?

Совсем не желая никого смущать своими эмоциями, Антон грохнул кулаком по стойке.

— Водки! стакан!

— И огурчик, конечно же?

Тут уж душа Антона Букина вконец не выдержала этикета, и он заревел в ответ:

— Непременно-с!!!

Когда-то в детской книжке про пиратов он прочитал про «легкий хмель удачи». Так ведь оно и есть на самом деле.

...И совсем скоро, упруго и уверенно шагая по надежной земле к трапу самолета, новоиспеченный директор Антон Букин вполне справедливо размышлял: «Черт возьми, ведь совсем не зря меня так ценят и уважают в коллективе».

